

Пелам Гренвилл Вудхаус

Перелетные свиньи

Серия «Замок Блондингс»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4245215

Вудхаус, П.Г. Перелетные свиньи : АСТ, Астрель; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-074408-4, 978-5-271-36804-2

Оригинал: Pelham Grenville Wodehouse, "Pigs have wings"

Перевод:

Наталья Леонидовна Трауберг

Аннотация

«Когда свинья полетит» – гласит старинная английская пословица, подразумевая, что подобное невозможно. Но британские свинки так и порхают, переходя из рук в руки своих знатных владельцев, вступивших в опасное соперничество за право обладания самой толстой свиньей в округе. Жизнь бесхитростных розовых спинок становится такой же захватывающей и насыщенной событиями, как и жизнь обитателей Бландингского замка и Матчингем-Холла, гостеприимно собравшими под своей кровлей столько разбитых, запутавшихся сердец.

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	8
3	13
4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27
Комментарии	

Пелам Гренвилл Вудхаус

Перелетные свиньи

Глава 1

1

Дворецкий Бидж вошел в библиотеку Бландингского замка, немного пыхтя после лестницы, поскольку он уже не был стройным лакеем, как тридцать лет назад. В руках он держал поднос, на подносе лежали письма.

– Дневная почта, милорд, – объявил он, и лорд Эмсворт, оторвавшись от книги (Уиффл, «Уход за свиньей»), сказал: «Почта, а? Э... то есть почта? Угу, угу». Сестра его, леди Констанс Кибл, нередко сетовала на его отрешенность («О Господи, Кларенс, чего ты вылупился!»), но и он мог при случае проявить быстроту ума.

– Да-да, почта, – продолжал он. – Это хорошо. Спасибо, Бидж. Положите ее на стол.

– Слушаюсь, милорд. Простите, милорд, можете вы побеседовать с сэром Грегори Парслоу?

– Нет, – сказал лорд Эмсворт, оглядев комнату. – Он же не здесь.

– Сэр Грегори только что звонил и просил, чтобы вы его приняли. Он идет в замок.

Лорд Эмсворт заморгал:

– Идет? Пешком?

– Видимо, да, милорд.

– А почему не едет?

– Он не объяснил, милорд.

– Целых три мили, – сказал лорд Эмсворт, – и жара какая!

Он глупый человек.

На такие замечания, как бы он им ни сочувствовал, дворецкий не отвечает: «Золотые слова!» или «В точку!». Бидж чуть-чуть скривил губы, показывая тем самым, что лишен чувств, а лорд Эмсворт стал думать. Думал он о сэре Грегори Парслоу – Парслоу из Матчингем-Холла.

Многие из нас склонны завидовать графу, который живет в замке, среди вассалов и слуг. «Везет же людям», – говорим мы, отъезжая в шарабане от его покоев; и большей частью мы правы.

Но как мы не правы, если речь идет о девятом графе Эмсворте! В его раю был змий, на ложе из цветов – острый шип. Да, он получил от судьбы богатство, здоровье, замок, прекраснейший парк, но все эти дары превращались в прах, ибо чистый воздух отравлял такой человек, как сэр Грегори Парслоу, лелеявший темные замыслы против свиньи по имени Императрица.

Лорд Эмсворт не чаял в ней души. Дважды получив пер-

вое место по классу жирных свиней, она собиралась получить его в третий раз, если бы не Парслоу, все тот же Парслоу, владевший ее соперницей, Красой Матчингема.

Два года назад зловещий баронет подкупил и увел от нее одареннейшего Джорджа Сирила, и младший брат девятого графа утверждал, что это – только начало. В конце концов, чего и ждать от человека, который, еще не унаследовав титула, жил в Лондоне без гроша, только и бегая от закона? Хочет он протащить свою свинью – ни перед чем не остановится. Так говорил высокородный Галахад.

– Парслоу! – сказал он. – Я его знаю лет с двадцати. Опасный тип. Когда его ждали в гости, сильные мужчины трепетали и прятали все ценное. Таким он был и навряд ли изменился. Смотри за ней, Кларенс, а то этот враг рода человеческого подложит бомбу ей в корыто.

Слова эти проникли глубоко и внушили лорду Эмсворту примерно те же самые чувства, какие испытывал Шерлок Холмс к профессору Мориарти. Вот он и думал о сэре Грегори и не очнулся бы от дум, если бы Бидж не кашлянул.

– Э? – сказал лорд Эмсворт, выходя из транса.

– Вы что-нибудь прикажете, милорд?

– Прикажу? А, понятно! Прикажу. Нет, Бидж, мне ничего не надо.

– Спасибо, милорд.

Бидж величаво удалился, напоминая при этом слона, проходящего сквозь джунгли; его хозяин снова стал читать. Дво-

рецкий прервал его посередине той замечательной главы, в которой рассказывается, что свинья должна съедать в день не меньше 57 800 калорий, содержатся они в картофеле и обезжиренном молоке.

Однако ему не везло. Не успел он прочитать и фразы, как дверь открылась и впустила на сей раз прекрасную, надменную даму, в которой, немного поморгав, он узнал свою сестру.

Горький опыт научил графа, что визиты леди Констанс – не к добру, а потому он, как обычно, решил отрицать все, в чем бы она его ни обвинила. Отрицал он мастерски и в способ этот верил.

На сей раз, однако, она вела себя мирно, даже приветливо.

– О, Кларенс! – сказала она. – Ты не видел Пенелопу?

– Э?

– Пенелопу Доналдсон.

– Кто такая, – осведомился лорд Эмсворт, – Пенелопа Доналдсон?

Леди Констанс вздохнула. Не будь она дочерью восьми графов, она бы гавкнула. Отерев лоб рукой, на которой сверкали кольца, она подняла глаза к потолку.

– Пенелопа Доналдсон, – отвечала она с той мягкостью, с какой говорит терпеливая женщина, когда перед ней один из самых отсталых представителей выродившейся семьи, – это младшая дочь мистера Доналдсона из Соединенных Штатов Америки, чья старшая дочь вышла замуж за твоего сына. Напомню, что сына у тебя два – твой наследник, Бошем, и младший сын, Фредерик. Фредерик женился на старшей мисс Доналдсон. Младшая мисс Доналдсон – ее зовут Пенелопа – гостит в Блэдингском замке, это здесь. Тебя я спрашиваю, не видел ли ты ее. Кроме того, я прошу, чтобы ты не разевал

рот. Ты похож на золотую рыбку.

Мы уже говорили, что иногда лорд Эмсворт понимал все с ходу.

– А! – воскликнул он. – Ты хочешь сказать, Пенелопу Дональдсон. Видел, видел. Они там с Галахадом. Я выглянул из окна, а они идут. Гуляют, – пояснил лорд Эмсворт.

Леди Констанс издала такой звук, словно ткнула мокрым пальцем в раскаленную плиту.

– Галахад ее не отпускает, – сказала она. – Где его ум? Ему прекрасно известно, что она здесь из-за Орло Воспера.

– Кто?..

– О, Кларенс!

– В чем дело?

– Если ты спросишь: «Кто такой Орло Воспер?» – я тебя чем-нибудь ударю. Ты это нарочно, назло! Сам знаешь, кто он такой.

Лорд Эмсворт вдумчиво кивнул.

– Знаю, – сказал он. – Вроде актера. Он живет у нас.

– Я догадываюсь. А Пенелопа его избегает.

– Какая умная девушка! Он очень скучный.

– Ничего подобного. Очень занятный.

– Кого он занимает, меня?

– Наверное, нет. Ведь он не говорит день и ночь о свиньях.

– Куда там! Когда я повел его к Императрице, он зевнул.

– Ему очень нравится Пенелопа.

– Закрылся рукой, но я увидел. Стоит и зевает.

– Для нее это прекрасная партия.

– Что?

– Это.

– Партия?

– О, Кларенс!

– Как же я тебя пойму, если ты крутишь и... да... вертишь? Говори просто. Говори прямо. Какая такая партия?

Леди Констанс снова ткнула пальцем в печку.

– Я говорю тебе, – устало ответила она, – что Орло Восперу нравится Пенелопа, а мистер Доналдсон будет очень доволен таким браком. Одно из самых старых семейств, и денег куча. Но что может выйти, если она все время с Галахадом? Одна надежда – завтра мы с ней едем в Лондон, везет нас Орло. Слушай ты, Господи!

– Я и слушаю. Пенелопа едет в Лондон с мистером Доналдсоном.

– О, Кларенс!

– Или с твоим Воспером. Зачем куда-то ехать в такую жару? Очень глупо.

– У нее примерка. Платье для здешнего бала. А Орло должен повидать своего поверенного, насчет налогов.

– Налогов! – вскричал лорд Эмсворт, уподобляясь коню при звуке боевой трубы. Свиньи и налоги действительно трогали его. – Вот, я тебе скажу...

– Мне пора, – оборвала его леди Констанс, выбегая из комнаты. Беседы с главой семьи всегда этим кончались, раз-

ве что, когда они проходили на воздухе, она просто убегала.

Оставшись один, лорд Эмсворт некоторое время наслаждался тем покоем, который приходит к неприхотливым людям, когда женские члены их семьи уйдут куда-нибудь. Тут взгляд его упал на письма, он стал их просматривать. Просмотрев и отложив с полдюжины самых скучных писем, какие только бывают, он наткнулся на что-то иное и вскрикнул:

– Ой, Боже мой!

То была открытка, одна из тех пестрых открыток, которых мы, интеллигенты, не выносим, хотя прочим людям они даруют чистую радость. Изображала она обнаженную красотку, по-видимому – Венеру, которая выходит из пенистых волн, произнося при этом (если верить пузырю, вылетающему изо рта): «Ах, как прекрасна жизнь!» Внизу, в волнах, можно было прочесть: «Ку-ку! Ну как, дорогой? Поздравляю и целую! Твоя Моды».

Открытка озадачила лорда Эмсворта, как озадачила бы любого мыслителя. Он не знал никаких Моды, тем более – столь нежных. В отличие от своего брата, который в свое время просто утопал в барменшах и балеринах, девятый граф всячески избегал Моды мира сего.

Поправив слетевшее было пенсне, он сунул открытку в карман и взял книгу, но поздно! Все эти Биджи и Конни, Пенелопы и Моды совсем расстроили его, он ничего не понимал.

Оставалось одно. Утвердив пенсне, он пошел к своей Им-

ператрице.

Императрица жила в игрушечном домике, недалеко от огорода. Когда лорд Эмсворт приблизился к ее будуару, она, как почти всегда, набивала утробу теми 57 800 калориями, о которых печется Уиффл. Моника Симмонс снабдила ее картофелем, ячменной болтанкой, маисовой мукой и сепарированным молоком, а она их ела с приятной жадностью, которой восхитился бы любой ее друг и почитатель.

Когда лорд Эмсворт приблизился, у перилец стояла эта самая Моника, массивная девица в брюках, очень похожая на дочь многодетного викария, играющую, как и сестры, в летний хоккей (собственно говоря, ею она и была). Девятый граф не очень ее любил, подозревая в том, что она фамильярна с Императрицей; и получил особенно мерзкое подтверждение этого порока.

– Привет, лорд Эмсворт, – сказала она. – Жара какая! Пришли к нашей свинке-спинке? Ну, я пойду попою. Жутко пить хочется. Пока.

И удалилась, попирая большими ногами траву и сено, а лорд Эмсворт, дрожа как осиновый лист, ухватился за перильца, печально вспоминая прежних хранителей Свиньи – Джорджа Сирила, перешедшего к врагу; Перси Пербрайта, вести о котором доносились из Канады; Эдвина Потта, который ушел в частную жизнь, выиграв в лотерею. Ни один из

них не назвал бы ее «свинкой-спинкой». Эдвин Потт, говоря строго, и не мог бы, поскольку у него не было нёба.

«Хуже некуда», — думал лорд Эмсворт, и его беспокойство не могла утешить даже сладчайшая из песен — хрюканье Императрицы, когда рядом с ним у перилец оказался невысокий, изящный джентльмен лет пятидесяти восьми, которому он и сказал:

— А, Галахад!

— Пип-пип! — радушно откликнулся новоприбывший.

Галахад Трипвуд был единственным членом семьи, к которому мы применили бы слово «выдающийся». Мир, как известно, не знает самых великих, но тесный мирок клубов, ресторанов, баров, бегов знал Галахада хотя бы понаслышке. Позор и беда своих сестер (Констанс, Джулии, Доры и т. п.), он пользовался уважением в менее суровых сферах, ибо сердце у него было золотое, душа — просто изливала млеко незлобивости.

Сейчас, когда он глядел на свинью Императрицу, его отвлекло то ли рыдание, то ли стон и, обернувшись к брату, он увидел, что любимые черты искажены горем, словно глава семьи съел что-то кислое.

— Здравствуй, Кларенс! — продолжал Галахад. — Что-то ты грустишь! В чем дело? Думаешь об этом прискорбном инциденте в «Гербе Эмсвортов»?

— Э? — удивился граф. — Об инциденте? А что такое случилось?

– Неужели не слышал? Мне говорил Бидж, ему – судомойка, а уже ей – шофер. Насколько я понял, дворецкий сэра Грегори, Бинстед, ставил вчера на его свинью один к пяти.

Лорд Эмсворт был поражен.

– На Красу Матчингема? Он спятил? Что она перед Императрицей?

– Вот и я удивляюсь. Скорее всего Бинстед напился и порол бог весть что. Хорошо, ты не слышал. Почему же ты так похож на глисту в отчаянии?

Девятый граф охотно поведал брату свою печаль.

– Это Моника меня расстроила, – сказал он. – Не пове-ришь – она назвала ее «свинка-спинка».

– Так и назвала?

– Честное слово! «Привет, – говорит, – лорд Эмсворт. Пришли к нашей свинке-спинке?»

Галахад помрачнел.

– Прискорбно, – сказал он. – Очень плохой тон. Остается предположить, что несчастное дитя не понимает всей своей ответственности. Так думает и Бидж. Он поставил на Императрицу солидную сумму и, естественно, беспокоится. «Готова ли La Simmons к своей роли?» – думает он. И я его понимаю. Заметь, Кларенс: сегодня – «спинка-свинка», а завтра? Такая девушка, страшно сказать, забудет покормить ее! Почему ты поручил столь ответственное дело лупоглазой дочери сельского викария?

Лорд Эмсворт, говоря строго, не ломал рук, но был к это-

му близок.

– Это не я, – возразил он. – Это Конни. Она им покровительствует. Ее и вини, Галахад.

– Конни! – воскликнул Галахад. – Я все больше думаю, что Блэдинг не станет раем, пока в нем есть наши сестры. Зачем они, Кларенс? Их надо ставить на место.

– Именно, – сказал лорд Эмсворт. – Да, вот именно.

Воцарилась тишина, если она может царить, когда обедает Императрица. Нарушил ее лорд Эмсворт.

– Где Элис? – спросил он.

– Кто?

– Ну, Пенелопа! Пенелопа Доналдсон. Вы вроде гуляли.

– А, Пенни? Да, гуляли, болтали. Какая милая девушка!

– Очаровательная!..

– Красивая, умная, мало того – добрая. Я случайно заметил, что выпил бы виски с содовой, и что же? Побегала, сказала Биджу, чтобы мне не пришлось заходить в дом.

– Ты будешь сейчас пить виски с содовой?

– Да. Оно вернет мне румянец, а главное – я подниму бокал за Биджа. Сегодня у него день рождения.

– У Биджа?

– Да.

– Ой Господи!

Лорд Эмсворт полез в карман.

– Понимаешь, Галахад, с дневной почтой я получил очень странную открытку. Совершенно непонятную. Всякие слова,

а подписано «Моди». Может быть, это не мне, а Биджу?.. Наверное, написали ему, а принесли мне. Посмотри.

Галахад рассмотрел открытку в монокль и на оборотной стороне увидел надпись:

*«М-ру Себастьяну Биджу,
Бландингский замок,
Шропшир».*

Лицо его стало серьезным.

– Разберемся, – сказал он. – Сколько лет он в замке? Восемнадцать? Или девятнадцать? Точность тут не важна, важно то, что я привык к нему, как к сыну, а если сын получает голых Венер от каких-то Моды, мы должны объясниться. Иначе секс поднимет здесь, у нас, свою мерзкую голову.^[1] Эй, Бидж!

Себастьян Бидж приближался еще величавей, чем всегда, ибо нес высокий бокал, наполненный янтарной влагой. Рядом поспешала тоненькая белокурая девушка, наводившая на мысль, что дворецкий прихватил по пути местную русалку. На самом же деле она была младшей дочерью американского миллионера, производящего корм для собак.

– Вот и мы, Галли, – сказала она. – Идем на выручку.

Галахад взял животворящий напиток и возгласил:

– С днем рождения, Бидж!

– Спасибо, мистер Галахад, – отвечал дворецкий.

– Хлебнете, Пенни?

– Спасибо, нет.

– Кларенс?

– Э? А? Нет, спасибо.

– Прекрасно, – резюмировал Галли, допивая бокал, – а теперь перейдем к неприятному. Бидж!

– Да, сэр?

– Посмотрите на эту открытку.

Бидж взял открытку, и лицо его странно задвигалось, словно он улыбнулся бы, если бы не жесткий кодекс дворцовых.

– Итак, Бидж? Мы ждем. Кто такая Модии?

– Моя племянница, мистер Галахад.

– Да?

– Дочка брата. Можно сказать, непокорная овца. Убежала в юности из дому, стала служить в баре.

Галахад насторожился – что-что, а бары он знал. Упомяните при месье Жиллетте безопасные бритвы!

– В баре? В каком?

– В «Крайтириен», мистер Галахад.

– Я должен ее знать. Что-то не помню никакой Модии Бидж...

– Она взяла псевдоним – Монтроз.

Галли запрыгал от радости.

– Модии Монтроз! Конечно, знал. Дивная девица, с синими глазами. Волосы – как золотое гнездо. Сколько рома я

принял из ее рук! Что с ней стало?

– Она вышла замуж, мистер Галахад.

– Надеюсь, муж ценит ее несравненные достоинства?

– Его уже нет, сэр. Он подхватил двухстороннее воспаление легких. Стоял под дождем на улице.

– Зачем?

– По службе, сэр. Он был сыщик. Такое бюро, «Детективы Дигби». Теперь его ведет племянница, говорят – неплохо.

Пенни с интересом взвизгнула.

– Она сыщица? С лупой и отпечатками пальцев?

– В определенном смысле, мисс. Грубую работу выполняют подчиненные.

– Ну, все равно сыщица. Чего только не бывает!

– По всей вероятности, мисс, – согласился дворецкий и обернулся к лорду Эмсворту, который почесывал Императрицу прутиком: – Я еще не сообщил вам, милорд, что пришел сэр Грегори.

– Ах ты, Господи! Где он?

– В утренней зале, милорд.

– Зачем он пришел? Он знает, что я отношусь к нему с глубочайшей подозрительностью. Но вообще-то надо к нему выйти, а то Конни накричит. Она всегда говорит, чтобы я был гостеприимным.

– Спасибо, что я тут не хозяин, – заметил Галли. – Поставлю его на место в одну минуту. Знаешь, Кларенс, Бидж дал нам ценнейшие сведения.

– Э?

– Про Моды.

– Кто такая Моды?

– Ладно, замнем. Иди к этому гаду.

Лорд Эмсворт ушел. За ним на должном расстоянии следовал верный Бидж, а Галли глядел им вслед задумчивым взором.

– Смотрите-ка! – сказал он. – Сколько я знаю Биджа? Восемнадцать лет, а то и все девятнадцать. В общем, лет с сорока, чуть ли не с детства. И только сегодня мне открылось, что имя ему – Себастьян. Это было и с Рожей Биффеном. Наверное, вы его не встречали? Еще недавно он жил тут, рядом, но уехал до вашего приезда. В старое доброе время он подписывался Джордж Дж. Биффен, и только через много лет, когда мы ужинали у Романо, он утратил сдержанность под влиянием *creme de menthe*¹ и старого бренди (он смешивал их опыта ради). Тогда он и открыл, что второе «Дж» означает...

– Галли, – сказала Пенни, довольно давно выводившая по дерну вензеля носком туфельки, – вы не одолжите мне две тысячи фунтов?

¹ Мятный ликер (*фр.*).

Никому еще не удавалось ошеломить достопочтенного Галахада. Няни, бонны, гувернантки, учителя (домашние и школьные), профессора, шулеры, букмекеры, продавцы заливных угрей и столичные полисмены стремились к этому лет пятьдесят – и терпели поражение. Клуб «Пеликан» знал и повторял, что превратности судьбы не отнимут у Галли Трипвуда спокойной беспечности, которой обладает, к примеру, свинья на льду. Однако сейчас он так дернулся, что монокль упал, как падало обычно пенсне у брата его, Кларенса.

– Две тысячи? – переспросил он, не веря своим ушам.

– Они мне очень нужны.

Галли вздохнул и погладил ее маленькую ручку.

– Дитя мое, я – нищий, я – младший сын. Здесь, в Англии, все получает старший, а прочие подбирают крошки с его стола. Дать вам две тысячи не легче, чем балансировать этой свиньей.

– Ну хорошо. Я думала, у вас есть. Забудем об этом.

Галли глядел на нее, размышляя о том, может ли она думать, что человек, прославленный своим любопытством, так это и оставит. Он, Галахад Трипвуд, хотел бы получать по фунту, нет – по шиллингу за всякий раз, когда ему скажут: «Не твое дело!»

– Неужели, – спросил он наконец, – вы так и не объясните?

– Не знаю. Смотря по тому, умеете ли вы хранить тайну.

– Конечно, умею! Да если б я открыл все, что мне рассказали, мир пошатнулся бы, вся цивилизация! Не бойтесь, рассказывайте.

– Да, так будет легче. Правда, тяжело молчать?

– Мерзко и гнусно. Ну-ну! Что за две тысячи фунтов? На что вам они?

– Не совсем мне... Ах, Галли, я влюбилась!

– Вот оно что!

– Чему тут удивляться? Все влюбляются.

– Бывает, бывает.

– Ну, и я влюбилась в Джерри.

– В какого именно?

– В Джерри Вейла.

– В жизни своей не слышал!

– Что ж, и он не слышал о вас.

Галли пришел в негодование:

– То есть как не слышал? Слышал. Англия звенит моей славой уже лет тридцать. Если бы вы не были янки, вы бы знали меня как миленькая и относились ко мне с должным почтением. Хорошо, вернемся к Джерри. Судя по вашей просьбе, он не очень богат. Как говорится, плохая партия, бедный воздыхатель?

– Не такой он бедный. Зарабатывает.

– Чем?

– Пишет книги.

– О Господи! Конечно, и писателя создал Бог...

– Он пишет про всякие ужасы. Но вы же помните поговорку: «Преступление не окупается»?

– А ваш отец-миллионер?

– Если я ему напишу, он меня тут же отвезет в Америку, а там – пошлет к тете, в Огайо.

– Суровый отец? Я думал, это отменили в прошлом веке.

– Да, но ему не сказали. Да и вообще, Джерри гордый, он не станет жить на чужие деньги.

– Ничего, переучите!

– Нет, я его за это люблю. Видели бы вы, сколько мерзавцев охотится за моим приданым! Как хорошо встретить джентльмена. Он – истинный рыцарь, Галли, таких просто нет. Ему бы две тысячи фунтов...

– Зачем? Он любит фунты или есть другая причина?

– Один его друг, врач, хочет основать курорт. Вы слышали о Малдуне?^[2]

– Конечно. Я бывал у вас в Америке.

– Вот примерно такой, только...

– Пошикарней?

– Ну, скажем, поизящней, это же в Англии. Для усталых лордов и обессиленных миллионеров. Плата – огромная. Такой курорт уже есть в Уэлсе, они просто гребут деньги. А этот – еще и удобней, он в Сассексе или в Сарри, ближе к Лондону. Джерри находит две тысячи фунтов и становится младшим партнером. Друг щупает пульс, прописывает дие-

ту, а Джерри играет с ними в гольф, ездит верхом, вообще – развлекает их. Ему это нравится, и выйдет у него прекрасно. Мало того – он сможет писать свою книгу.

– Он пишет книгу?

– Пока что нет, ему некогда. Но у него все в голове. Ему бы несколько часов в день посидеть спокойно, и он такое напишет... Почему вы похожи на лягушачье чучело?

– Вы хотите сказать, на роденовского «Мыслителя»? Потому что я гадаю, как вы с ним познакомились. Конни встретила вас в порту и повезла сюда.

– Подумайте, Галли. Ну, ну!

– Нет, не понимаю!

– Да на пароходе. Джерри очень умный. Он решил изучить американский рынок и побывал в Америке.

– А как изучают рынок?

– Наверное... ну, изучают.

– А, вон что! Изучают.

– Именно. Он изучил и поплыл домой.

– И естественно, встретил вас?

– Да. На второй день. Мы больше не разлучались. Какая луна!

– Там есть луна?

– А то как же!

Галли почесал подбородок, снял монокль и тщательно его протер.

– Прямо не знаю, что и сказать. Да. Удивили вы седого

друга... Значит, вы влюблены?

– Рассказать еще раз?

– Но вы же недавно знакомы!

– Ну и что?

– Так, размышляю... Не мне говорить о благоразумии.

Сам я хотел жениться на певичке в розовом трико. Однако...

– Да?

– Я бы на вашем месте был осторожен. Разные бывают люди. Одно дело – пароход, луна, другое – жизнь. На суше, среди всяких блондинок, человек меняется.

– Галли, мне противно вас слушать.

– Простите. А все ж надо намекнуть – суровая реальность, то да се.

– Если бы я узнала, что Джерри – плохой, я бы бросила его, Доналдсоны горды.

– Еще бы!

– Но он хороший. Он – просто тупочка. Это же очень хорошо!

– Куда уж лучше!

– Ну вот!

Императрица жалобно захрюкала – картошка, источник калорий, откатилась за изгородь. Галли учтиво ее вернул, и благородная свинья хрюкнула благодарно.

– Если он тупочка, дело плохо. Нелегко расстаться с таким сокровищем! Вы – здесь, он – в Лондоне. Томитесь, а?

– Томилась до сегодняшнего дня.

– Почему это?

– Сквозь тучи пробился свет. Леди Констанс едет завтра на примерку. Нас повезет лорд Воспер.

– Как он вам?

– Ничего, нравится.

– Вы ему тоже нравитесь.

– Да, я заметила.

– Красивый такой.

– Ничего, красивый. Да, так вот, мы едем в Лондон, и я обедаю с Джерри.

Галли приятно поразил этот детский оптимизм.

– Под надзором Конни? Ничего не выйдет!

– Выйдет, выйдет. Понимаете, у папы есть в Лондоне старый друг. Папа мне не простит, если я к нему не зайду. К ней, это дама. Вот мы и пойдем обедать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...поднимет свою мерзкую голову – слова из детективного романа «Цветы для судьи» (1936) Марджори Аллингэм (1904–1966).

2.

Малдун – санатории в штате Нью-Йорк и селенье Уайт-Плейнз, основанные Уильямом Малдуном.